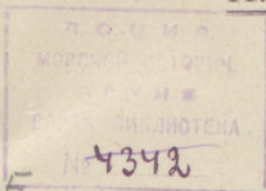

АДМИРАЛЪ
Н.О. ФОНЪ ЭССЕНЪ

Б5
Ж 74

4208

К. ЖИТКОВЪ.

Б5
ЖС 74

Адмиралъ Н. О. фонъ Эссенъ.

С 12049

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.

1915.

Н. фон Эссен

Командующий флотомъ Балтійскаго моря
Адмиралъ
Николай Оттовичъ фонъ Эссенъ.

† 7-го мая 1915 года.

АДМИРАЛЪ Н. О. ФОНЪ ЭССЕНЪ.

Начальникъ боевой эскадры долженъ приучить себя и своихъ подчиненныхъ къ сознанию, что флотъ существуетъ только для войны, и потому все, что не имѣетъ отношенія къ боевой подготовкѣ, должно быть отброшено, какъ не только ненужное, но и вредное.

Н. О. фонъ Эссенъ.

Не стало Эссена...

Среди весенняго разгара военныхъ дѣйствій, надорвавшись отъ девятимѣсячной напряженной военной работы, отъ простой простуды, всего 54 лѣтъ отъ роду, отошелъ 7-го мая въ вѣчность адмиралъ, волей Государя Императора 8 лѣтъ стоявшій во главѣ нашего Балтійскаго флота.

Славное имя адмирала, 11 лѣтъ тому назадъ никому еще невѣдомое, тѣсно связано съ эпохой возрожденія нашего флота послѣ тяжелыхъ испытаній японской войны, почему трудно, очень трудно, особенно во время войны, говорить о результатахъ дѣятельности покойнаго—они скажутся сами. Но можно и, конечно, должно напомнить личному составу тѣ завѣты адмирала, исповѣдья которые, онъ сталъ такъ дорогъ всему личному составу, и тѣ дѣла, перешедшія уже въ исторію, которыя впервые заставили флотъ, а за нимъ и всю родину обратить на него вниманіе.

Къ сожалѣнію до сихъ поръ еще не написана исторія русско-японской войны на морѣ (*), почему не имѣется подробнаго

(*) Въ 1913 г. вышло всего 2 неполныхъ тома работы Исторической Комиссіи по описанію русско-японской войны 1904—05 г.г. на морѣ.

разбора дѣятельности покойнаго въ Артурѣ, но это прискорбное обстоятельство отчасти искупается тѣмъ, что послѣ адмирала остался печатный трудъ «Краткій очеркъ дѣятельности флота въ Портъ-Артурѣ; служба эскадреннаго броненосца «Севастополь», который и можетъ послужить къ восстановленію обстоятельствъ дѣятельности Николая Оттовича въ боевой обстановкѣ, какъ командира дѣятельнѣйшихъ въ Артурѣ кораблей—«Новика» и «Севастополя».

Этимъ цѣннымъ матеріаломъ — собственными словами Николая Оттовича—и постараемся запечатлѣть образъ вождя на страницахъ журнала, которому не совсѣмъ былъ чуждъ покойный адмиралъ.

Николай Оттовичъ родился въ Петроградѣ 11-го декабря 1860 года, онъ былъ сыномъ товарища министра юстиціи статсъ-секретаря О. В. фонъ-Эссена.

Отлично окончивъ въ 1880 году Морское училище фельдфебелемъ и съ занесеніемъ его имени на мраморную доску, Николай Оттовичъ по производствѣ въ гардемарины пошелъ въ заграничное плаваніе на фрегатѣ «Герцогъ Эдвигбургскій» (1880—1882), на которомъ и былъ произведенъ въ мичманы.

Съ 1883—1886 г. слушалъ лекціи по механическому отдѣлу въ Николаевской Морской Академіи, а въ 1891 г.—окончилъ артиллерійскій классъ. Въ должности артиллерійскаго офицера онъ совершилъ на крейсере «Адмиралъ Корниловъ» переходъ на Дальній Востокъ и, проплававъ съ 1892 г. по 1896 годъ въ эскадрѣ Тихаго океана, вернулся въ 1897 году въ Россію на крейсере «Владиміръ Мономахъ».

Время съ 1897—1900 г. Николай Оттовичъ проводитъ въ Средиземномъ морѣ—сначала командиромъ миноносца № 120 («Пакерортъ»), а затѣмъ старшимъ офицеромъ мореходной канонерской лодки «Грозящій»; на этихъ судахъ, входившихъ въ составъ нашей Средиземноморской эскадры, онъ участвуетъ при адмиралѣ Скрыдловѣ въ усмиреніи возстанія на о. Критѣ.

Въ 1899 г., 39-ти лѣтъ отъ роду, пробывъ почти 14 лѣтъ въ чинѣ лейтенанта, Николай Оттовичъ, по возвращеніи въ

Россію, былъ за отличіе по службѣ произведенъ въ капитаны 2-го ранга и назначенъ командиромъ парохода «Славянка»—флагманскаго корабля въ отрядѣ миноносцевъ, подъ командой кап. 1-го р. В. В. Игнаціуса (погибъ на «Суворовѣ»). За этотъ періодъ (1901—1902 г.г.), зимой Николай Оттовичъ преподавалъ въ Морскомъ Корпусѣ девиацию и теоретическую механику, оставаясь въ этой скромной, незамѣтной должности, до назначенія своего на только что выстроенный и отправленный въ Тихій океанъ крейсеръ 2-го ранга «Новикъ».

Въ это время Николай Оттовичъ помѣщаетъ въ «Морскомъ Сборникѣ» цѣлый рядъ переводныхъ статей (*) о германскомъ флотѣ, изъ которыхъ одна о «Маневрахъ Германскаго флота осенью 1902 года».

Въ 1902 г. Николай Оттовичъ назначается командиромъ «Новика» и, совершивъ переходъ на Дальній Востокъ, входитъ въ составъ нашей Тихоокеанской эскадры, гдѣ, съ началомъ войны, въ 1904 году покрываетъ себя и имя своего корабля неувыдаемой славой.

Война началась въ ночь на 27 января: три нашихъ корабля были сразу выведены изъ строя, а утромъ, на ошеломленную отъ неожиданныхъ результатовъ ночной атаки эскадру произведено было нападеніе главныхъ силъ непріятеля.

Еще ночью, по своей инициативѣ разведка пары на «Новикѣ», стоявшемъ на внутренней линіи вѣшняго рейда, Николай Оттовичъ по первому требованію начальника эскадры первымъ снялся съ якоря и ушелъ въ дальнюю развѣдку, причемъ въ морѣ были усмотрѣны 4 непріятельскихъ миноносца, шедшихъ далеко впереди «Новика» тѣмъ же кур-

(*) Корпусъ морскихъ инженеровъ въ германскомъ флотѣ. М. Сб. 1902 г. № 8.

Значеніе вспомогательныхъ судовъ для войны на морѣ. М. Сб. 1902 г. № 9.

Маневры германскаго флота осенью 1902 г. М. Сб. 1902 г. № 10.

Колоніальныя войска. М. Сб. 1903 г. №№ 1—6.

Принципы морской блокады. М. Сб. 1909. № 10.

сомъ. Догнать ихъ при неполномъ числѣ котловъ оказалось невозможнымъ, и командиръ повернулъ.

Вернувшись къ появленію японской эскадры, «Новикъ» вмѣстѣ съ крейсерами снимается съ якоря и первый, по волѣ своего командира, бросается въ лихую атаку на непріятеля. Въ японской официальной исторіи дѣйствія «Новика» отмѣчены слѣдующими словами: «Крейсеръ, по которому стрѣлялъ «Якумо», сражался, подходя къ намъ съ разныхъ сторонъ; одинъ снарядъ изъ 8" пушки попалъ въ самую середину лѣваго борта «Новика» и взорвался. Однако этотъ крейсеръ не растерялся и все еще шелъ впередъ, поддерживая сильную стрѣльбу, но въ концѣ концовъ не выдержалъ убійственного огня нашего флота, повернулъ и на отступленіи выпустилъ мину, которая прошла подъ носомъ у «Ивате» (*).

Только полученные поврежденія, кстати сказать самыя серьезныя на всей эскадрѣ за бой 27-го января, заставили командира вернуться на рейдъ и войти въ гавань для зачѣпки пробоины.

Существуютъ различныя взгляды о дѣятельности «Новика» въ первомъ столкновеніи съ японской эскадрой—одни хвалятъ, другіе осуждаютъ его командира за безумно храбрый поступокъ—сближеніе легкаго крейсера съ броненосной эскадрой на 15—17 кабельтововъ, но, намъ кажется, если знать обстановку боя 27-го января и подавленное настроеніе на эскадрѣ послѣ только что закончившейся минной атаки, то двухъ мнѣній быть не можетъ: Николай Оттовичъ, первый изъ командировъ,—пускай на самомъ слабомъ кораблѣ,—показалъ, что духъ отваги въ личномъ составѣ еще не убитъ и что врагу не такъ то просто воспользоваться своимъ первымъ успѣхомъ: «золотая» сабля, а съ пріѣздомъ Макарова дальнѣйшее движеніе по службѣ—были наградой храброму капитану.

Быстро починившись въ докѣ, «Новикъ» участвуетъ въ бою со всей японской эскадрой 12-го февраля, производитъ не-

(*) Стрѣльбу миной надо отнести къ фантази личного состава «Ивате», т. к. «Новикъ» миной не стрѣлялъ.

однократныя развѣдки, поддерживая миноносцы, 26-го февраля, подъ флагомъ Макарова идетъ на выручку гибнущаго «Стерегущаго»,—всѣ эти дѣйствія обращаютъ вниманіе Макарова на энергичнаго и отважнаго командира, и, когда послѣ столкновенія «Севастополя» съ «Пересвѣтомъ» командующій флотомъ смѣняетъ командира перваго, выборъ его останавливается

Командиръ кр. «Новикъ».

на немъ: 16-го марта Николай Оттовичъ назначается командиромъ броненосца «Севастополь» (11 000 тоннъ, спущ. въ 1895 г. въ строю съ 1900 г.).

Въ своихъ воспоминаніяхъ покойный говоритъ объ этомъ назначеніи слѣдующее: «признаться, принимать броненосецъ,

при томъ еще въ достаточной степени искалѣченный (*), мнѣ было далеко не по сердцу.

«Привыкнувъ на легкомъ быстроходномъ крейсере, къ живой кипучей дѣятельности, требующей постоянного проявленія личной инициативы, я на командномъ мостикѣ этого тихоходнаго колосса, связаннаго въ своихъ движеніяхъ съ остальными спутниками эскадры, чувствовалъ себя первое время далеко не по себѣ».

Несмотря на свое серьезное поврежденіе, «Севастополь» участвовалъ во всѣхъ выходахъ съ Макаровымъ вплоть до памятнаго 31-го марта—дня гибели «Петропавловска», такъ какъ командующій флотомъ не желалъ ослаблять и безъ того уменьшившуюся на два лучшихъ броненосца эскадру.

Только во вступленіи въ командованіе флотомъ адмирала Алексѣева, когда послѣ гибели «Петропавловска» и подрыва «Побѣды» эскадра была ослаблена еще на два корабля и самостоятельныя дѣйствія ея, какъ боевой единицы, были крайне затруднены, т. е. дѣйствительно годныхъ къ бою оставалось всего два броненосца, рѣшено было чинить и «Севастополь», который и былъ исправленъ къ 15 мая.

Время ремонта броненосца совпало съ высадкой японцевъ у Бидзиво, и при слѣдующемъ отбытіи адмирала Алексѣева изъ Артура, Николай Оттовичъ, какъ командиръ флагманскаго корабля, былъ назначенъ 27-го апрѣля флагъ-капитаномъ при оставленномъ во главѣ флота временно-исполнявшемъ должность старшаго флагмана командующаго эскадрой Тихаго океана контръ-адмиралѣ В. К. Витгефтѣ. Моментъ вступленія младшаго изъ командировъ эскадры въ должность помощника Начальника всей эскадры былъ критическій — флоту надо было дѣйствовать активно, чтобы принести ожидаемую отъ него пользу осажденной крѣпости, однако способъ выполненія своего дѣла былъ неправильно понятъ высшимъ команднымъ составомъ — директивы адмирала Алексѣева о помощи крѣпости орудіями и снарядами и даже людьми,

(*) Вслѣдствіе неправильной сборки правой машины, а главнымъ образомъ поврежденія винта при столкновеніи съ «Пересвѣтомъ», броненосецъ давалъ всего 10 узловъ.

настаиванія на всемъ этомъ генерала Стесселя, неимѣніе собственнаго мнѣнія у адмирала Витгефта — все это вмѣстѣ взятое заставило флотъ «остаться въ гавани въ бассейнахъ и принять самое активное участіе въ защитѣ Артура, *послѣ чего выйти въ море и вступить въ бой съ непріателемъ*» (*).

Съ этимъ рѣшеніемъ никакъ не могъ согласиться Николай Оттовичъ. Ему, моряку и военному съ ногъ до головы, ясно представлялась вся бесполезность подобнаго «активнаго» участія флота въ защитѣ Артура, что онъ и высказалъ рѣшительно въ слѣдующемъ своемъ отдѣльномъ мнѣніи:

«Флотъ непремѣнно долженъ выйти въ море, какъ только суда будутъ исправлены. Мы сдѣлали все, что могли для сухопутной обороны Артура, свезя судовую артиллерію на береговые форты, давъ личный составъ для нихъ и поставивъ минныя загражденія. Дальнѣйшее пребываніе въ гавани выразится во время осады лишь весьма гадательной перекидной стрѣльбой и свозомъ судового десанта, который, будучи свезенъ съ судовъ, лишитъ ихъ всякой возможности выйти въ море. Флотъ, находясь въ морѣ, принесетъ для защиты Артура несравненно больше пользы, такъ какъ не дастъ непріятелю возможности выбросить на берегъ большую армію, которая въ концѣ концовъ раздавитъ Артуръ, у защитниковъ котораго послѣ нѣкотораго времени изсякнутъ боевые запасы. Опредѣленіе точно момента для выхода невозможно, и, ожидая его, можно упустить время. Полагаю, что флотъ во все время осады долженъ находиться въ полной готовности немедленно выйти въ море и принять бой. Сухопутные начальники должны быть предупреждены, чтобы они не рассчитывали на нашъ десантъ и на пополненіе убили на нашихъ фортахъ, то и другое должна дать армія. Выходъ въ море долженъ быть обусловленъ такъ, чтобы для непріятеля онъ былъ неожиданнымъ, а потому всякій предварительный выходъ поочередно судовъ, хотя и полезенъ въ смыслѣ практики командировъ, но вреденъ для общаго дѣла, такъ какъ покажетъ непріятелю нашу готовность, и онъ постарается насъ закупорить. Пола-

(*) Постановленіе засѣданія отъ 14-го мая 1904 г., послѣ паденія Кинчжоу.

гаю по примѣру прежнихъ дѣйствій японскаго флота, что онъ не вступитъ съ нашей эскадрой въ открытый бой. Непріятель рѣдко держится у Артура всѣми силами, болѣе вѣроятія встрѣтитъ въ морѣ только часть его, такъ какъ, считая насъ неспособными къ выходу въ море, онъ держитъ часть своихъ судовъ въ ремонтѣ или пополняетъ новые запасы, наконецъ нѣкоторая часть отдѣлена къ Владивостоку. Пользуясь слегка туманной погодой, можетъ явиться возможнымъ пройти незамѣченнымъ, и, находясь затѣмъ на линіи сообщенія непріятельскаго транспортнаго флота, мы можемъ по пути во Владивостокъ уничтожить все, что намъ встрѣтится. Конечной цѣлью нашего плаванія должно быть соединеніе во Владивостокѣ съ крейсерскимъ отрядомъ. Выходъ эскадры въ море собьетъ весь планъ японскихъ операцій и дастъ возможность выиграть драгоцѣнное время. Японскій флотъ по выходѣ нашей эскадры неизбѣжно долженъ будетъ послѣдовать за ней, подвозъ непріятельскихъ войскъ будетъ приостановленъ, и слѣдовательно шансы на удержаніе Артура будутъ увеличены».

При отдѣльномъ мнѣніи остался капитанъ 2-го ранга фонъ-Эссенъ и на засѣданіи 23-го мая.

«Событія не ждутъ, и терять драгоцѣнное время не слѣдуетъ, писалъ онъ. Если мы будемъ ждать готовности всѣхъ судовъ, то насъ забросаютъ минами или закупорятъ въ Артурѣ, и мы вовсе не выйдемъ. Надо выходить теперь-же съ тѣми судами, которые готовы; остальные поторопятся тогда присоединиться къ намъ по готовности. Полагаю, что даже выходъ неполной нашей эскадры повліяетъ на ходъ событій и задержитъ движеніе японской арміи».

Разница взглядовъ на существо дѣла адмирала и его помощника заставила перваго, воспользовавшись готовностью «Цесаревича», перенести на него свой флагъ и выбрать себѣ другого начальника штаба, каковымъ 25-го мая и былъ назначенъ контръ-адмиралъ Матусевичъ.

Затѣмъ послѣдовалъ выходъ эскадры 10-го іюня—встрѣтивъ къ вечеру большія силы непріятеля, адмиралъ повернулъ къ Артуру, и эскадра, отбивая на ходу минныя атаки, благопо-

лучно, за исключеніемъ «Севастополя» вернулась обратно: послѣдній подорвался на минѣ.

«Въ началѣ 10-го часа вечера, все время отстрѣливаясь отъ нападавшихъ на насъ миноносцевъ, наша эскадра подошла къ Артуру и, несмотря, казалось, на полную невозможность ориентироваться и попасть на протраленный раньше при выходѣ путь, мы шли благополучно.

«Въ 9 час. 35 мин. вечера, когда уже передовые наши корабли пришли на рейдъ и стали на якорь, «Севастополю», шедшему позади «Пересвѣта», пришлось уклониться влѣво, выйдя изъ строя, чтобы не набѣжать на уменьшившій ходъ «Пересвѣтъ». Вдругъ, съ лѣвой стороны, противъ носовой 12-ти дюймовой башни, почувствовался сильный ударъ; броненосецъ какъ будто немного приподняло, послѣ чего онъ грузно опустился носомъ и сталъ крениться на лѣвый бортъ. Было очевидно, что мы попали на мину загражденія. Громадный столбъ воды поднялся выше мачты, обдавая все наверху грязной водой,—затѣмъ, показался черный дымъ съ удушливымъ запахомъ. Не зная еще, какова пробоина и насколько корабль подвергается опасности, я приказалъ на всякій случай готовить шлюпки къ спуску и сигналомъ передалъ на «Баянъ» для сообщенія адмиралу о случившемся. Въ машинѣ оказалось все благополучно. «Севастополь» пошелъ малымъ ходомъ къ берегу, направляясь въ бухту Бѣлый Волкъ, противъ которой онъ находился въ моментъ аваріи. Лотъ показалъ глубину 20 сажень, а потому слѣдовало принять всѣ мѣры, чтобы поскорѣе придти на болѣе мелкое мѣсто, гдѣ опасность потопленія судна не грозила бы гибелью личнаго состава. Команда, бывшая наверху и зная эффектъ взрывовъ минъ по гибели «Петропавловска» и «Хатсузе», была сильно встревожена. На минуту, даже, людей обуяла паника. Матросы вмѣсто того, чтобы работать, побѣжали къ койкамъ и спасательнымъ поясамъ, разложеннымъ по мостикамъ, а два человѣка бросились прямо за бортъ, но были подобраны шлюпками съ «Полтавы» и «Новика». Впрочемъ паника длилась недолго,—вскорѣ удалось людей успокоить. Между тѣмъ, рулевой приводъ на мостикѣ не дѣйствовалъ, и пока рулевые переходили на

управление нижним боевым штурваломъ, пришлось управлять машинами, лавируя между нашими судами, уже стоявшими на якоряхъ. Подойдя почти вплотную къ берегу на глубину 6 саж., «Севастополь» сталъ на якорь въ бухтѣ Бѣлый Волкъ, въ которой уже находились нѣкоторые наши миноносцы. Тѣмъ временемъ, трюмный механикъ Бѣловъ, прислалъ мнѣ на мостикъ записку о поврежденіи корпуса: пробойна была между 23—30 шпангоутами, причемъ затоплены 6-ти дюймовый погребъ и одна угольная яма, — крену около 5°. Наполнивъ отсѣки праваго борта, удалось выровнять кренъ. Трюмный механикъ Бѣловъ вмѣстѣ съ трюмными матросами, тотчасъ же послѣ взрыва, спустился въ подбашенное отдѣленіе, наполненное удушливымъ газомъ отъ взрыва и пожара въ патронномъ погребѣ, и быстро подкрѣпилъ переборки, отдѣлявшія затопленные отсѣки, а также всѣ люки этихъ отсѣковъ, чѣмъ спасъ подбашенное отдѣленіе отъ затопленія. Затопленіе этого отдѣленія, вмѣщающаго не менѣе 1 000 тоннъ воды, неминуемо повлекло бы гибель корабля (*).

«Чтобы не привлекать на себя вниманія неприятельскихъ миноносцевъ, на «Севастополь» вовсе не свѣтили боевыми фонарями. Такимъ образомъ, находясь подъ самымъ берегомъ въ полной темнотѣ, броненосецъ, вѣроятно, былъ невидимъ для миноносцевъ, которыхъ, однако, мы видѣли очень ясно, освѣщенными береговыми и судовыми прожекторами и по которымъ въ теченіи ночи съ «Севастополя» было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. Японскіе миноносцы не рѣшались подходить къ нашимъ судамъ ближе 15—20 каб. ($2\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{2}$ вер.), почему, вѣроятно, и были неудачны ихъ атаки. Особенно энергично велись атаки послѣ 1 ч. 30 мин. ночи, когда зашла луна, и утромъ, передъ разсвѣтомъ. Наконецъ разсвѣло. Вдали можно было разсмотрѣть 4 японскихъ миноносца, оставшихся виѣ выстрѣловъ для наблюденія за дѣйствіями и, очевидно, для опредѣленія степени поврежденія нашихъ судовъ. Утромъ наша эскадра начала сниматься съ якорей и поочередно входитъ въ гавань. Пославъ впередъ двѣ пары минонос-

(*) За этотъ подвигъ инж.-мех. Бѣловъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

цевъ съ тралами, «Севастополь», вслѣдъ за ними, вышелъ изъ бухты и направился въ гавань, войдя въ которую отшвартовался въ Восточномъ бассейнѣ. Утромъ на берегу было найдено много не взорвавшихся неприятельскихъ минъ Уайтхеда».

Въ гавани снова началась починка, она велась при помощи стараго кессона «Ретвизана», и къ 25-му іюлю «Севастополь» былъ готовъ.

Черезъ три дня по требованію адмирала Алексѣева послѣдовалъ выходъ эскадры; 28-го іюля эскадра съ боемъ прорывалась во Владивостокъ. Результаты его извѣстны: 5 судовъ, въ томъ числѣ и «Севастополь», вернулись въ Артуръ, «Новикъ» былъ потопленъ, остальные—разоружены.

Николай Оттовичъ, находившійся все время боя въ первой линіи, давая въ своихъ воспоминаніяхъ подробную картину дѣйствій флота, такъ описываетъ критическій моментъ боя:

«Около 6 часовъ вечера эскадры сошлись на 22 каб. Въ началѣ 7-го часа осколками большого снаряда, разорвавшагося у самой боевой рубки, и проникшими внутрь рубки, тяжело раненъ рулевой старшина, а старшій сигнальщикъ получилъ сильныя ожоги лица. Дальномѣръ Барра и Струда, на мостикѣ, сбило. Стоявшій рядомъ со мной артиллерійскій офицеръ, лейтенантъ Овандеръ, получилъ незначительное пораненіе лица, что, впрочемъ, не вывело его изъ строя. Мнѣ и старшему штурману, лейтенанту Ислямову, только засыпало глаза.

«Прошло нѣсколько минутъ, вдругъ «Цесаревичъ» круто повернулъ влѣво и сильно накренился. Первое впечатлѣніе было, что онъ поврежденъ и сейчасъ опрокинется, настолько кренъ показался большимъ. Какъ оказалось впоследствии, на немъ былъ поврежденъ рулевой приводъ и отъ быстрого положенія руля на бортъ корабль накренился и вышелъ изъ строя. Остальные суда эскадры сначала, было, послѣдовали за «Цесаревичемъ», но онъ продолжалъ катиться въ ту же сторону, причемъ перерѣзалъ нашъ путь и оказался между «Севастополемъ» и «Пересвѣтомъ». Не понимая сначала, въ чемъ дѣло, но видя, что нашъ строй пришелъ въ полное замѣшательство, а неприятель, воспользовавшись этимъ, сосредоточилъ

на насъ убійственный огонь, я намѣревался выйти изъ строя и идти на сближеніе съ непріателемъ, пытаясь его таранить. Въ это время прибѣгаетъ ко мнѣ изъ кочегарки младшій механикъ и докладываетъ, что снарядомъ, попавшимъ въ дымовой кожухъ, перебиты нѣкоторыя пароотводныя трубы и приходится прекращать пары въ одной кочегаркѣ, а слѣдовательно нельзя имѣть большого хода. При такихъ условіяхъ нечего было и думать идти на сближеніе съ непріателемъ, шедшимъ не менѣе 16 узловъ, имѣя всего какихъ-нибудь 8 узловъ ходу. Тѣмъ временемъ «Ретвизанъ», послѣдовавшій было за «Цесаревичемъ», вдругъ повернулъ на непріателя и полнымъ ходомъ пошелъ на сближеніе, видимо желая таранить. Японцы открыли по немъ убійственный огонь, но снаряды ложились около корабля, почти не поражая его. Въ свою очередь «Ретвизанъ» открылъ по «Миказѣ» весьма дѣйствительный огонь изъ своихъ орудій. Подойдя на 15 каб. къ непріателю, который уже началъ уклоняться вправо, «Ретвизанъ» повернулъ обратно и пошелъ вслѣдъ за удаляющейся нашей эскадрой, взявшей курсъ на Артуръ...

«Севастополь» не могъ поспѣть за остальной эскадрой, такъ какъ исправленіе паровыхъ трубъ, поврежденныхъ снарядомъ, еще не было кончено. Команда въ машинахъ и кочегарняхъ отъ усиленной работы, во время боя, и накануне, при ночной погрузкѣ угля, совсѣмъ выбилась изъ силъ.

«Цесаревичъ», бывшій въ сторонѣ отъ «Севастополя», понемногу насъ перегонялъ. Не зная еще о томъ, что командованіе передано, я старался переговорить съ нимъ сигналомъ, по семафору, спрашивая разрѣшенія идти, по способности, во Владивостокъ, но отвѣта не получилъ.

«Когда уже совсѣмъ стемнѣло, къ «Севастополю» подошелъ крейсеръ «Паллада» и миноносецъ «Бойкій», я спросилъ голосомъ командира «Паллады», капитана 1-го ранга Сарнавскаго, согласенъ ли онъ идти соединенно во Владивостокъ, на что послѣдовалъ отвѣтъ, что эскадра наша идетъ къ Артуру и намъ надо стараться съ ней соединиться.

«Нѣкоторое время мы шли вмѣстѣ съ «Палладой» и миноносцемъ, «Цесаревича» же въ темнотѣ скоро потеряли вовсе

изъ виду. Съ наступленіемъ темноты слышна была усиленная канонада по тому направленію, куда скрылись наши крейсера, и видны были вспышки выстрѣловъ. Ночь была темная, но ясная, звѣздная. Наши компасы были сбиты и мы ориентировались по Полярной звѣздѣ. Вскорѣ на насъ начались минныя атаки. Непріательскіе миноносцы появлялись совершенно неожиданно. Чтобы избѣгнуть минъ, я приказалъ, каждый разъ при встрѣчѣ съ миноносцемъ, поворачивать къ нему кормой и возможно болѣе увеличивать ходъ, подставляя ему, такимъ образомъ наименьшую цѣль—ширину судна и встрѣчая мины струей воды, отбрасываемой винтами. Маневрируя такимъ образомъ, почти не открывая огня, мы удачно избѣгли опасности, но зато скоро въ темнотѣ потеряли изъ виду «Палладу» и миноносецъ «Бойкій». Нѣкоторые изъ непріательскихъ миноносцевъ стрѣляли по насъ даже изъ своихъ 75 мм. пушекъ».

Въ бою на броненосцѣ было 60 человекъ раненыхъ, изъ которыхъ нѣсколько умерло, изъ офицеровъ ранено было два.

Чрезвычайно цѣнны тѣ заключенія, къ которымъ пришелъ Николай Оттовичъ, разбирая несчастный для насъ бой 28-го іюля и выясняя при этомъ первопричины, давшія отрицательный результатъ:

«Задача прорыва во Владивостокъ, поставленная нашей эскадрѣ, представлялась весьма трудно исполнимой. Японцы владѣли моремъ, заблокировавъ насъ тѣсно въ Артурской гавани, и были всегда въ полной готовности встрѣтить превосходными силами всякую попытку къ прорыву нашихъ судовъ. Выходъ изъ П.-Артура, вслѣдствіе тѣсноты фарватера и забросанности рейда минами, не могъ быть выполненъ нами очень быстро. Пока мы выходили и, двигаясь за тралами, выстраивались, японцы всегда успѣвали сосредоточить противъ насъ всѣ свои наличныя боевыя силы. Ходъ нашей эскадры значительно уступалъ скорости японской, благодаря чему японцы всегда могли занять относительно насъ болѣе выгодную позицію.

«Перевѣсъ въ силахъ позволялъ непріателю, противъ нашей броненосной эскадры направить всѣ свои наиболѣе сильныя

суда и имѣть еще достаточный резервъ изъ болѣе слабыхъ для линейнаго боя судовъ, но достаточно сильныхъ по своему артиллерійскому вооруженію, чтобы нанести намъ вредъ послѣ боя, когда наши корабли будутъ уже достаточно подбиты, израсходуютъ свои боевые запасы и переутомятъ свой личный составъ.

«Громадное число миноносцевъ позволяло японцамъ, съ полной надеждой на успѣхъ, атаковать ночью наши суда, выдержавшія дневной бой. Если бы атаки ихъ были неудачны въ первую ночь, то на пути нашей эскадры во Владивостокъ представилась бы возможность возобновить атаки съ большимъ успѣхомъ. Опасность минныхъ атакъ увеличивалась бы, по мѣрѣ приближенія нашей эскадры къ Цусимскому проливу, гдѣ она неизбежно встрѣтилась бы съ минными судами береговой обороны Японіи. Наша эскадра, уступавшая 28-го іюля японской въ боевой силѣ, уступала ей, еще въ большей степени, въ боевой подготовкѣ личнаго состава и въ организаціи эскадренной боевой службы. Передъ войной наши суда, для экономіи расхода угля, находились въ гавани, въ резервѣ, вмѣсто того, чтобы практиковаться и готовиться къ бою. Самое обученіе эскадры во время плаванія, было поставлено далеко не на боевую ногу:—практиковались въ азбучныхъ эволюціяхъ, упражняясь въ отраженіи минныхъ атакъ стоя на якорѣ. Только кратковременные маневры, въ сентябрѣ 1903 г. дали эскадрѣ нѣкоторое подобіе военной практики. Стрѣльба производилась рѣдко, а особенно въ составѣ эскадръ и никогда не стрѣляли на большихъ дистанціяхъ, считая невозможнымъ сражаться на дистанціяхъ большихъ 30 кабельтовыхъ (5—6 вер.).

«Начальникъ боевой эскадры долженъ приучить себя и своихъ подчиненныхъ къ сознанію, что флотъ существуетъ только для войны, и потому все, что не имѣетъ отношенія къ боевой подготовкѣ, должно быть отброшено, какъ не только не нужное, но и вредное. Такъ смотрѣлъ на дѣло покойный адмиралъ Макаровъ, избравшій слова «Помни войну» своимъ девизомъ, которому самъ слѣдовалъ неукоснительно во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ.

«Служба и обученіе боевой эскадры должны проходить какъ бы въ военное время, при боевой обстановкѣ. Такъ, напримеръ, стоя на якорѣ, эскадра все время держитъ очередные крейсера въ морѣ для наблюденія за тѣмъ, что дѣлается въ морѣ, поддерживая съ эскадрой постоянную связь какъ беспроволочнымъ телеграфомъ, такъ и посыльными судами. Ночью, на якорѣ, эскадра принимаетъ всѣ мѣры для безопасности отъ минныхъ атакъ, выставляя сторожевыя цѣпи. Часть миноносцевъ, ежедневно, на ночь высылаются въ море и ночью пытаются атаковать эскадру, прорвавшись черезъ сторожевую цѣпь.

«Входя въ какую нибудь бухту или рейдъ, эскадра высылаетъ впередъ себя тралящей караванъ, считая, что идетъ по району, забросанному неприятельскими минами. Плавая ночью, эскадра обязательно идетъ безъ огней и подвергается примѣрнымъ миннымъ атакамъ.

«Днемъ эскадра, раздѣлившись на двѣ части, маневрируетъ, чтобы упражняться въ занятіи одной части эскадры относительно другой наиболѣе выгодной позиціи, гдѣ выясняется пригодность для боя тѣхъ или другихъ строевъ и удобствъ построений.

«Плаваніе всегда сопровождается освѣщеніемъ района развѣдчиками, практикой сигнализациі на дальнія дистанціи, опредѣленія большихъ разстояній, практикой рѣшенія различныхъ стратегическихъ и тактическихъ задачъ».

«Часто слѣдуетъ практиковаться въ приемахъ угля и запасовъ при боевой обстановкѣ».

«Вообще же, возможно чаще и непремѣнно послѣ всякихъ маневровъ слѣдуетъ собираться всѣмъ командирамъ у флагмана для разбора произведенныхъ упражненій, выясненія ошибокъ и обмѣна мнѣній. Такимъ образомъ, подчиненные узнаютъ другъ друга и проникнутся общей идеей, даваемой флагманомъ.

«Для приборки судовъ, ремонта и проч., суда поочередно отпускаются въ портъ. Это время служить полнымъ отдыхомъ личному составу. На суднѣ, отпущенномъ для отдыха, хотя круглые сутки можетъ висѣть флагъ отдыха (поднимается на

военныхъ судахъ ежедневно съ 11 до 2 ч. — лучшее время дня), а въ остальныхъ случаяхъ этотъ флагъ надо совсѣмъ изъять изъ употребленія.

«Весь строй нашей судовой жизни очень далекъ отъ боевыхъ условий. Распредѣленіе времени нецѣлесообразно. Ежедневно слишкомъ много времени отдается послѣобѣденному отдыху (3 часа), а неизвѣрно большое количество праздниковъ въ году стѣсняетъ возможность выполнения программы обученія. Если мы хотимъ возсоздать нашъ флотъ, то слѣдуетъ отрѣшиться отъ многихъ обычаевъ, надо пересмотрѣть въ корнѣ уставъ и правила службы на кораблѣ. Это, конечно, потребуетъ много труда, встрѣтитъ много сопротивленія, но это необходимо. Какъ примѣръ того, какъ трудно отрѣшиться отъ рутины, можно привести случай, когда, при бомбардировкахъ Артура, наши суда, слѣдуя флагману, съ 11 до 2 ч. дня, держали флагъ отдыха. Впослѣдствіи это само собой какъ-то прекратилось: плохой отдыхъ, когда въ корабль ежеминутно попадаютъ непріятельскіе снаряды.

«Кромѣ всего упомянутаго, въ значительной степени понижало боевую способность нашей эскадры и то, что многія командиры были вновь, вступивъ въ командованіе передъ самой войной или даже во время нея; значительная часть командъ была уволена въ запасъ осенью 1903 года и замѣнена новобранцами.

«Въ то время, какъ японцы стройно маневрировали, поворачивая всѣ вдругъ, сохраняя свои мѣста и равеніе въ строй, наши разнотипные корабли съ трудомъ держали самый простой строй—кильватеръ: адмиралъ Витгефтъ и думать не могъ предпринимать какія-либо построенія. Характернымъ примѣромъ неумѣнія маневрировать при совмѣстномъ плаваніи является случай поврежденія «Севастополя» «Пересвѣтомъ», бывшій еще при покойномъ адмиралѣ Макаровѣ.

«Адмиралъ Витгефтъ принялъ эскадру въ гавани, не имѣя никакой возможности обучить ее практически; въ бою онъ сдѣлалъ—что могъ, въ точности стараясь выполнить данное ему приказаніе прорываться во Владивостокъ. Онъ погибъ,

честно и храбро исполняя свой долгъ, не побѣжденный сильнѣйшимъ противникомъ.

«Послѣ гибели адмирала, произошелъ несчастный случай на «Цесаревичѣ», выведшій его изъ линіи и сбившій строй нашей эскадры. Преемнику покойнаго адмирала Витгефта, контръ-адмиралу кн. Ухтомскому, предстояло рѣшить дальнѣйшее дѣйствіе. Находясь на сильно поврежденномъ броненосцѣ «Пересвѣтъ», видя поврежденія остальныхъ нашихъ судовъ и разстройство нашей линіи, могъ ли онъ рѣшиться продолжать 1000-мильный путь во Владивостокъ, имѣя всего половинный запасъ снарядовъ».

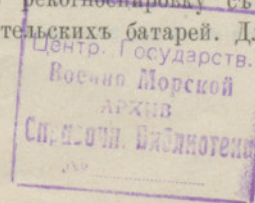
«Какъ ни обидно было возвращаться въ Артуръ послѣ боя, справедливость требуетъ согласиться, что это былъ единственный возможный исходъ для нашей эскадры».

Съ приходомъ эскадры въ Артуръ роль флота была окончательно сведена къ нулю, на флотъ стали смотрѣть, какъ на источникъ для пополненія средствъ обороны крѣпости людьми и боевыми запасами, а крупной артиллеріей пользовались для перекидной стрѣльбы.

И въ этой невидной роли флота Николай Отговичъ былъ на своемъ «Севастополѣ» впереди всѣхъ.

«9-го августа, вечеромъ, пишетъ онъ, меня потребовалъ къ себѣ Начальникъ эскадры, князь Ухтомскій, и сообщилъ, что поручаетъ мнѣ на слѣдующій день выйти въ море на «Севастополѣ» и, войдя въ бухту Тахэ, сбить своимъ артиллерійскимъ огнемъ непріятельскія батареи, поставленныя около бухты и тревожившія нашъ правый флангъ, а также мѣшавшія работамъ нашего тралящаго каравана. Мнѣ, признаться сказать, не очень пришлось по сердцу эта посылка, зная, какъ трудно большому кораблю ходить по рейду, забросанному минами;—я не предвидѣлъ ничего хорошаго. Конечно, въ этой задачѣ проявлялась нѣкоторая активность дѣйствій; но, естественно, не такія активныя операціи желательны были для флота.

«Я просилъ разрѣшенія адмирала, до выхода въ море на броненосцѣ, сдѣлать рекогносцировку съ цѣлью опредѣлить расположеніе непріятельскихъ батарей. Для этой цѣли было

необходимо получить въ мое распоряженіе, рано утромъ, 10-го августа, нѣсколько миноносцевъ, а затѣмъ, при выходѣ «Севастополя», имѣть въ полномъ составѣ тралящій караванъ и 2-й отрядъ миноносцевъ для охраны каравана. Участіе же въ экспедиціи канонерскихъ лодокъ мною было отклонено, такъ какъ, обладая недостаточно дальнбойною артиллеріей, онѣ не принесли бы мнѣ существенной пользы, а могли бы только стѣснить маневрированія. Адмиралъ выразилъ согласіе на всѣ мои предложенія.

«10-го августа, мы въ 6 часовъ утра вышли на рейдъ на миноносцѣ «Расторопный» съ капитаномъ 2-го ранга Крилицкимъ, въ сопровожденіи еще двухъ миноносцевъ. Выйдя изъ гавани полнымъ ходомъ, отрядъ миноносцевъ направился въ бухту Тахэ для рекогносцировки мѣста расположенія непріятельскихъ батарей 120 мм. пушекъ. Когда наши миноносцы подошли къ берегу на разстояніе 35 каб., береговыя японскія батареи открыли по насъ оживленный огонь и тѣмъ обнаружили свое расположеніе. Получивъ такимъ образомъ необходимыя свѣдѣнія, мы вернулись въ гавань. Въ 9 часовъ утра, съ полной водой, броненосецъ «Севастополь» (*) сталъ вытягиваться изъ гавани. На броненосцѣ находилась всего половина команды, такъ какъ, не считая большого числа раненыхъ, послѣ боя 28-го іюля, отсутствовали судовой десантъ и резервъ, всего около 300 человекъ. Выходъ на рейдъ, вслѣдствіе незначительной неисправности шпика, нѣсколько задержался, и мы запоздали къ назначенному сроку.

«На рейдѣ должны были насъ ожидать, для сопровожденія, отрядъ миноносцевъ и весь тралящій караванъ. Миноносцы были у выхода въ готовности, а тралящій караванъ, не дождавшись выхода броненосца, ушелъ на якорь въ бухту Бѣлый Волкъ. Въ морѣ къ востоку мы увидѣли непріятельскія суда: броненосные крейсера I класса «Ниссинъ», «Бассуга», три крейсера II класса, типа «Матсусима» и броненосецъ «Чиниенъ», двѣ канонерки и 28 миноносцевъ. Броненосные крейсера, находясь отъ броненосца «Севастополь»

(*) Черезъ двѣ недѣли послѣ боя 28-го іюля.

въ разстояніи около 9 миль, открыли по насъ огонь изъ крупныхъ орудій, причѣмъ снаряды ихъ давали даже перелеты. Мы отвѣчать съ такого разстоянія не могли. Непритель, между тѣмъ, зная точно разстояніе, могъ легко пристрѣляться, а попаданіе большого снаряда, падающаго подъ большимъ угломъ, могло легко вывести броненосецъ изъ строя. Остаться на мѣстѣ и ожидать тралящаго каравана было рискованно, а идти безъ траловъ по рейду, забросанному минами, опасно,—почему я приказалъ сдѣлать миноносцамъ сигналъ завести тралы и идти впередъ броненосца, что и было ими скоро исполнено. Броненосецъ взялъ курсъ въ бухту Тахэ. Непрительскія суда, къ которымъ мы стали приближаться, постепенно удалялись къ востоку, прекративъ огонь. Непритель, видимо, предполагалъ, что за броненосцемъ послѣдуютъ и другія суда, 4 миноносца шли впереди «Севастополя», имѣя по-двое заведенными тралы; два миноносца шли сзади, бросая буйки по протраленному пути, чтобы имѣть возможность ориентироваться на обратномъ пути. Одинъ миноносецъ былъ посланъ мною къ тралящему каравану съ приказаніемъ, заведя тралы, идти за миноносцемъ, чтобы затѣмъ, при обратномъ пути, идти впереди него, очищая путь отъ непріятельскихъ минъ. Въ виду опасности плаванія по пространству, гдѣ можно встрѣтить мины, я приказалъ подать заблаговременно достаточное количество боевыхъ запасовъ къ орудіямъ, а всѣ патронные погреба тщательно закрыть, поставивъ всюду деревянные упоры для укрѣпленія непроницаемыхъ дверей и люковъ. Эти мѣры были еще тѣмъ болѣе необходимы, что, при половинномъ составѣ команды, нельзя было держать много людей при подачѣ.

«Идя за тралами и держась въ 1½ миляхъ отъ берега, въ 11-мъ часу мы находились въ виду японскихъ береговыхъ батарей. Наши миноносцы открыли по нимъ огонь; непріятельскія батареи отвѣчали учащеннымъ огнемъ, стрѣляли по броненосцу, идущему прямо на батареи, было одно попаданіе. Мы отвѣчали изъ 12-ти дюймовой носовой башни и изъ 6-ти дюймовыхъ пушекъ и, живо пристрѣлявшись на 35 кабельтовыхъ, стали громить непріятельскія батареи, заставивъ скоро замол-

чать одну изъ нихъ, на которой было отъ 8—10 орудій 120 мм. Непрiятельскiе миноносцы держались у насъ съ правой стороны и два отряда, по 4 миноносца, подошли къ намъ кабельтовыхъ на 30, но мы заставили ихъ скоро увеличить разстоянiе, открывъ по нимъ огонь.

«Непрiятельскiя большiя суда, видя нашу перестрѣлку съ батареями, снова начали подходить къ намъ ближе и броненосные крейсера съ 75 кабельтовыхъ открыли по насъ огонь. Видя, что непрiятельскiя суда приближаются и начинаютъ къ намъ пристрѣливаться, «Севастополю» являлось опаснымъ стать на якорь для окончательнаго уничтоженiя непрiятельскихъ батарей. Рѣшено было отступить къ Артуру подъ прикрытiе нашихъ батарей. Въ 11 часовъ 20 м. у обѣихъ паръ миноносцевъ, идущихъ впереди насъ, лопнули тралы и близко по борту броненосца прошли полавки траловъ съ плавающей посреди нихъ громадной сфероконической миной. Комендоръ отъ 47 мм. пушки на мостикѣ, по моему приказанiю, началъ стрѣлять по ней и попалъ въ мину, которая взорвалась, поднявъ огромный столбъ чернаго дыма и осыпавъ корабль осколками. Японскимъ судамъ издали, вслѣдствiе близости взрыва къ броненосцу, должно было показаться, что мина взорвалась подъ нашимъ кораблемъ.

«Мы оказались безъ траловъ. Пока миноносцы заводили новые тралы, я старался на броненосцѣ развернуться машинами, по возможности на мѣстѣ, чтобы затѣмъ идти къ Артуру по протраленному пути, обозначенному буйками. Навстрѣчу намъ отъ бухты Бѣлаго Волка шелъ тралящiй караванъ. Но не дойдя до броненосца сажень 200, тралящiй караванъ повернулъ обратно, чтобы мы могли слѣдовать за нимъ. Мы шли, все время отстрѣливаясь отъ непрiятельскихъ батарей, пока не удалились отъ нихъ на большую дистанцiю.

Въ 11 час. 45 мин., находясь противъ Крестовой батареи и не дойдя еще до мѣста, пройденнаго траломъ (*), броненосецъ лѣвой скулой ударился о непрiятельскую мину. Ударъ пришелся противъ 12-ти дюймовой носовой башни почти

(*) Буйки снесло теченiемъ, а потому ориентироваться по нимъ было бесполезно.

въ то же мѣсто, гдѣ былъ взрывъ мины 10-го iюля. При взрывѣ броненосецъ сильно накренился на лѣвый бортъ и грузно сблъ носомъ. Видя однако, что кренъ и погруженiе носа не увеличиваются и получивъ донесенiе трюмнаго механика, что вода, наполнивъ 5 большихъ отсековъ, а именно, двѣ угольныя ямы, два патронныхъ погреба и крiютъ-камеру 12-ти дюймовыхъ зарядовъ, не прибываетъ въ сосѣднихъ отдѣленiяхъ, я старался войти въ струю тралящаго каравана, шедшаго впереди броненосца, чтобы, такимъ образомъ, избѣгнуть опасности встрѣчи со второй миной. На броненосцѣ, среди команды, этотъ взрывъ не произвелъ особеннаго впечатлѣнiя. Всѣ спокойно работали на своихъ мѣстахъ, помня, что при прошломъ взрывѣ все обошлось благополучно. Идя за караваномъ, мы дошли до рейда, гдѣ насъ встрѣтили посланные для помощи буксирные пароходы. Между тѣмъ, тралящiй караванъ зафпиль еще мины, которыя взорвались, и мы снова остались безъ траловъ. Пришлось стать на якорь и ожидать, пока не будутъ заведены новые тралы. Этой временной остановкой броненосца и скопленiемъ около него большого числа мелкихъ судовъ воспользовались непрiятельскiя большiя суда и съ разстоянiя 80 кабельтовыхъ открыли по насъ огонь. Непрiятельскiе же миноносцы не рѣшились насъ атаковать, несмотря на наше бѣдственное и крайне затруднительное положенiе.

«Подъ огнемъ непрiятельскихъ судовъ, не причинившимъ, къ счастью, намъ никакого вреда, въ 12 час. 40 мин. дня, броненосецъ снялся съ якоря и пошелъ въ гавань, имѣя впереди тралящiй караванъ, причемъ уже въ самомъ проходѣ въ тралахъ взорвалась еще одна мина. Войдя въ западный бассейнъ, броненосецъ ошвартовился.

«Я былъ очень удрученъ всѣмъ случившимся. Только два мѣсяца прошло послѣ полученiя броненосцемъ первой пробоины. Сколько было потрачено труда и заботъ для исправленiя. Броненосецъ благополучно выдержалъ жестокой бой 28 iюля,—и вотъ, предстоялъ снова тяжелый трудъ съ перспективой работать подъ огнемъ непрiятеля во время бомбардировокъ.

«Результатъ экспедиціи далеко не соотвѣтствовалъ размѣрамъ нашей неудачи, такъ какъ хотя мы и сбили батарею, но японцы имѣли возможность, затѣмъ, снова ее исправить въ очень короткій срокъ, тогда какъ поврежденіе броненосца выводило его изъ строя больше, чѣмъ на два мѣсяца. По осмотру поврежденія водолазами, пробоина оказалась нѣсколько глубже и ближе къ кормѣ нежели первая и по величинѣ значительно больше, причѣмъ вмятость подводной части корабля доходитъ до самаго кила.

«Адмиралъ не разрѣшилъ приступать сразу къ исправленію броненосца, а поставилъ корабль въ Восточный бассейнъ и приказалъ быть готовымъ стрѣлять на правый флангъ, если это понадобится по ходу осады.

«Къ счастью, оказалось возможнымъ воспользоваться прежнимъ кессономъ съ небольшой его передѣлкой; къ этимъ работамъ было приступлено немедленно. Кессонъ доставили на Тигровый полуостровъ, куда еще не залетали непріятельскіе снаряды во время бомбардировокъ, продолжавшихся ежедневно и направленныхъ, главнымъ образомъ, по нашимъ судамъ, стоявшимъ въ гаваняхъ, и по портовымъ мастерскимъ.

«Такъ какъ снаряды падали подъ довольно значительнымъ угломъ и пробивали палубу судовъ, то для защиты ихъ на всѣхъ нашихъ судахъ положили на палубы толстый слой мусора или угля, покрывъ его полудюймовыми листами корабельной стали. Такой блиндажъ хорошо предохранялъ палубы судовъ, такъ какъ непріятельскіе снаряды рвались при ударѣ объ этотъ блиндажъ.

«Въ концѣ августа, когда, послѣ удачно отбитыхъ штурмовъ, видно было, что непріятель отложилъ попытки штурмовать крѣпость, на «Севастополь» было разрѣшено подвести кессонъ, причѣмъ корабль пришлось для этой работы перевести вновь въ Западный бассейнъ, гдѣ большая глубина, сравнительно съ Восточнымъ бассейномъ, позволяла произвести эту работу независимо отъ высокой или малой воды.

Подведя къ «Севастополю» кессонъ, мы немедленно приступили къ работѣ по исправленію пробоины, хотя эта работа сильно замедлялась постоянными бомбардировками, причѣмъ

въ «Севастополь» въ теченіе двухъ дней попало семь снарядовъ, къ счастью, не повредившихъ кессонъ».

До середины сентября «Севастополь» чинился въ Западномъ бассейнѣ, а затѣмъ стрѣльба японцевъ, мѣшавшая работѣ, заставила перевести его въ Восточный бассейнъ, гдѣ броненосецъ ошвартовился у стѣнки, причѣмъ якорь былъ отданъ на срединѣ бассейна.

Съ 18-го сентября работа шла подъ снарядами, причѣмъ въ «Севастополь» попало въ общей сложности 5 бомбъ, но это не помѣшало работѣ; 24-го октября броненосецъ былъ снова готовъ, и принялъ участіе въ перекидной стрѣльбѣ.

Съ паденіемъ въ концѣ ноября Высокой горы наступила агонія Артура и конецъ флота: 23-го и 24-го ноября потоплены были суда въ Западномъ бассейнѣ, 25-го шелъ обстрѣлъ Восточнаго и на очереди оставался еще одинъ «Севастополь».

Командиръ рѣшилъ не допустить его гибели въ гавани и рѣшилъ вывести на свободную воду.

Разрѣшеніе адмирала Вирена, командовавшаго эскадрой, было получено и Николай Оттовичъ приступилъ къ выходу, оказавшемуся послѣднимъ для многострадальнаго «Севастополя».

«Ночь была очень темная. Вѣтеръ дулъ съ большой силой. Въ проходѣ шла крупная зыбь, мѣшавшая разводкѣ боновъ. Буксирные пароходы не справлялись, пришлось обрубить буксиръ и идти самостоятельно. Выбора мнѣ не было; опоздай мы еще на полчаса, вода бы спала настолько, что корабль не могъ бы выйти изъ прохода и застрялъ бы на мели, а на утро онъ, конечно, былъ бы разстрѣлянъ. Рѣшилъ идти на проломъ и съ Божьей помощью, не смотря на всѣ сложившіяся противъ насъ обстоятельства, намъ удалось пройти, ориентирясь по фонарямъ съ миноносныхъ шлюпокъ, оборвавъ тараномъ боны, и стать на якорь на вѣшнемъ рейдѣ. Имѣя слишкомъ мало команды, мы не могли откинуть сѣтей (*). Къ счастью, нашъ выходъ былъ совершенно не замѣченъ японцами и притомъ стало очень свѣжо, что и предохранило насъ отъ опасности подвергнуться миннымъ атакамъ непріятеля.

(*) Опустить сѣтевое загражденіе—для предохраненія отъ минныхъ атакъ»

«Всю ночь мы простояли на якорѣ, дожидаясь разсвѣта, когда должны были придти катера съ тралами. Но вотъ начало уже свѣтать, а катеровъ нѣтъ. Между тѣмъ ждаты дольше было нельзя; какъ только разойдется утренній туманъ, японцы увидятъ насъ съ Высокой горы и откроютъ огонь,— да и выходъ нашъ станетъ имъ извѣстенъ. Рѣшилъ идти безъ траловъ. Къ счастью, вода была малая и идя по рейду, мы увидали нѣсколько минъ, всплывшихъ на поверхность. Японцы въ послѣднее время ставили мины на малую глубину для пораженія миноносцевъ. Удачно обойдя мины, броненосецъ вошелъ въ бухту Бѣлый Волкъ и сталъ на якорь подъ прикрытіемъ горы Тигроваго полуострова, очень близко къ берегу, рядомъ съ стоящей уже здѣсь лодкой «Отважный». Къ этому времени весь остатокъ нашей эскадры состоялъ изъ слѣдующихъ судовъ: «Севастополь», «Отважный», пароходъ «Силачъ», 7 миноносцевъ; всѣ эти суда были на рейдѣ, частью у Бѣлаго Волка, частью за затопленными пароходами.

«Стоя на якорѣ, мы поставили сѣтвое огражденіе, нѣсколько дополненное навѣсными сѣтями для защиты носовой части корабля; оставалась незащищенной только корма, такъ какъ у насъ не было приспособленій для установки сѣтей у кормы. На корабль было добавлено до 300 человекъ команды и нѣсколько офицеровъ.

«У меня была мысль воспользоваться темной ночью или часто случающеюся въ этотъ сезонъ снѣжной пургой, прорвать блокаду, пройдя до разсвѣта до мыса Шантунгъ, и взять курсъ къ югу. Въ виду недостатка угля, я думалъ добраться до Кіаочао, гдѣ погрузиться или, оставивъ тамъ офицера, заказать пароходъ съ углемъ на одинъ изъ острововъ Чузанскаго архипелага, къ югу отъ Шанхая, куда и идти съ броненосцемъ. Затѣмъ, погрузивши уголь, идти кругомъ Формозы на соединеніе съ эскадрой Рождественскаго. Конечно трудно сказать, насколько удалась бы мнѣ такая авантюра. Впослѣдствіи я узналъ, что послѣ моего выхода, адмиралъ Того со всѣми своими броненосцами сторожилъ прорывъ «Севастополя» въ море. Некомплектъ команды, несогласіе адмирала Вирена и, наконецъ, послѣдующія событія помѣшали выполненію моего

плана. По приходѣ въ бухту Бѣлый Волкъ, мы немедленно приступили къ пополненію свезенныхъ съ корабля боевыхъ запасовъ, которые были на храненіи на Тигровомъ полуостровѣ въ такъ называемомъ «Минномъ городѣ».

«Погрузка боевыхъ запасовъ на баржи происходила подъ огнемъ непріятеля, обстрѣливавшего минный городокъ, а доставка на баржахъ на рейдъ производилась съ наступленіемъ темноты или передъ разсвѣтомъ. Для безопасности корабля отъ минныхъ атакъ, было немедленно приступлено къ сооруженію плавучаго бона съ сѣтями, съ затопленныхъ нашихъ судовъ. Эта работа также производилась подъ огнемъ непріятеля и шла очень медленно; — бонъ сооружался въ гавани и доставлялся на рейдъ по частямъ, которыя тотчасъ же устанавливались на мертвыхъ якоряхъ для защиты броненосца.

«26-го ноября, японцы, не замѣтивъ выходъ «Севастополя», съ утра открыли жестокой огонь изъ 11-д. мортиръ по Восточному бассейну и, сдѣлавъ болѣе 300 выстрѣловъ, буквально засыпали то мѣсто, гдѣ наканунѣ стоялъ броненосецъ.

«Конечно, японцамъ скоро стало извѣстно о его выходѣ, тѣмъ болѣе, что въ ясную погоду броненосецъ былъ виденъ съ ихъ наблюдательнаго пункта у бухты Лунвантанъ, къ сѣверу отъ Тахэ.

«27-го ноября задулъ сильный сѣверный штормъ, благодаря чему непріятель насъ не беспокоилъ.

«28-го ноября вѣтеръ стихъ. Бонъ еще не былъ сооруженъ и броненосецъ стоялъ только подъ защитой своихъ сѣтей. Ночь была очень темная. На ночь команда и офицеры раздѣлялись на двѣ смѣны къ орудіямъ, доставалось значительное количество боевыхъ запасовъ, все наглухо закрывалось, огни тушились и корабль стоялъ въ полномъ мрагѣ.

«Прожектора были въ готовности, но не открывались, а водное пространство рейда освѣщалось береговыми прожекторами съ батарей и небольшимъ прожекторомъ, поставленнымъ на берегу бухты, съ лодки «Отважный». Около полуночи въ лучахъ прожекторовъ показалось нѣсколько японскихъ миноносцевъ, видимо производившихъ рекогносцировку. Миноносцы держались довольно далеко и выпустили по броненосцу свои

мины безъ всякаго результата. Мы открыли огонь и заставили ихъ отойти. Ночь приближалась къ концу, атаки не возобновлялись. Казалось, все благополучно. Но подъ утро, когда стало особенно темно, я съ мостика увидаль совершенно близко отъ корабля два маленькихъ катера и крикнулъ комендорамъ въ башни, чтобы они открыли по нимъ огонь. Катера были внѣ лучей прожекторовъ и въ темнотѣ люди не могли ихъ разглядѣть изъ амбразуръ башенъ. Я приказалъ освѣтить катера судовымъ прожекторомъ, что было немедленно исполнено, и по освѣщеннымъ катерамъ открыть огонь, но было уже поздно, катера успѣли выпустить по минѣ. Они были настолько близко, что я слышалъ командныя слова съ нихъ. Катера скоро скрылись, а можетъ быть и были потоплены, сказать трудно. Обѣ мины попали въ корабль. Одна застряла въ сѣтихъ, но не взорвалась и утонула, другая взорвалась въ навѣсной носовой сѣти и произвела трещины въ подводной обшивкѣ, отчего заполнилось водой все отдѣленіе подводныхъ минныхъ аппаратовъ. Съ разсвѣтомъ, водолазы осмотрѣли поврежденіе и приступили немедленно къ задрѣлкѣ трещинъ особымъ деревяннымъ пластыремъ и къ исправленію поврежденныхъ взрывомъ сѣтей.

«29-го ноября, днемъ, часть бона была готова и поставлена около броненосца. Ночью миноносцы снова пришли на видъ, но одинъ изъ нихъ наткнулся на всплывшую мину загражденія и взорвался; команда его достигла ближайшаго рифа въ южной части бухты Бѣлый Волкъ: съ берега, съ небольшой батареи, слышали ихъ крики о помощи, но въ труу никого не нашли—все погибли.

«30-го, утромъ, чтобы возможно больше обезопасить броненосецъ отъ минныхъ атакъ съ кормы, не имѣющей сѣтей, былъ завезенъ къ берегу якорь и корма подтянута ближе къ берегу. Принятыми мѣрами броненосецъ поставили параллельно лодки «Отважный». Такое положеніе корабля, при которомъ онъ стоялъ, не ворочаясь въ зависимости отъ вѣтра и теченія, дало возможность провести на корабль телефонъ съ берега. Сѣтевой бонъ защищалъ корабль, но не вполне; бона не было противъ носа, да и правый бортъ былъ защищенъ имъ только наполовину.

«Утромъ съ моря пришелъ англійскій пароходъ «Кингъ-Артуръ» изъ Бомбея съ грузомъ пшеничной муки для Артура. Пароходъ показался на разсвѣтѣ. Я послалъ офицера на минномъ катерѣ его встрѣтить и ввести въ бухту, гдѣ онъ былъ поставленъ на якорь между броненосцемъ и берегомъ. Пароходъ прорвалъ блокаду, незамѣченный японцами, вѣроятно потому, что миноносцы непріятеля были заняты атакой «Севастополя».

«Въ слѣдующую затѣмъ ночь, съ 30-го ноября на 1 декабря, состоялась грандіозная атака «Севастополя» японскими миноносцами.

«Для охраны якорной стоянки «Севастополя» и «Отважного» мы приняли слѣдующія мѣры. Наши оставшіеся 7 миноносцевъ были даны въ мое распоряженіе и разставлены цѣлью вдоль всей бухты, причемъ крайнимъ миноносцамъ, стоявшимъ у сѣвернаго и южнаго мысовъ, я приказалъ свѣтить боевыми фонарями, образовавъ передъ бухтой свѣтовую преграду, впереди всѣхъ нашихъ судовъ. Два сторожевыхъ минныхъ катера, вооруженныхъ минами, были поставлены поближе къ броненосцу для защиты его на случай подхода непріятельскихъ минныхъ катеровъ. Одинъ катеръ держался впереди носа броненосца, другой съ боку. Миноносцамъ было приказано быть въ полной готовности сняться съ якоря.

«Атака японскихъ миноносцевъ началась около полуночи. Миноносцы въ кильватерной колоннѣ шли полнымъ ходомъ прямо на броненосецъ и, подойдя на 5 кабельтовыхъ, круто поворачивали вдоль берега, выпуская по нашимъ судамъ свои мины. Тутъ же они попадали въ лучи прожекторовъ и, ярко освѣщенные, встрѣчались убійственнымъ огнемъ съ нашихъ судовъ и береговыхъ батарей. Наши снаряды въ виду малаго разстоянія и возможности пристрѣляться, попадали очень мѣтко; рѣдкій миноносецъ уходилъ безъ поврежденія, попадания были видны совершенно ясно, на миноносцахъ то и дѣло были видны столбы дыма и паръ. Два миноносца утонули. Сторожевой катеръ съ броненосца «Побѣда», стоявшій впереди «Севастополя», подъ командой лихого квартирмейстера Апалинова, видя, что миноносцы проходятъ такъ близко,

не дожидаясь приказанія, самъ пошелъ въ атаку подъ градомъ нашихъ же снарядовъ—и, подойдя вплотную къ одному изъ непріятельскихъ миноносцевъ, выпустилъ въ него мину и миноносецъ пошелъ ко дну.

•Непріятельскія мины попадали въ сѣти бона и рвались въ нихъ впереди броненосца. Но такъ какъ снизу бонъ не былъ вполне законченъ, то одна изъ минъ взорвалась въ носовой павѣсной сѣти, спущенной передъ тараномъ. Результатомъ взрыва было поврежденіе въ подводной части обшивки тараннаго отдѣленія, которое наполнилось водой.

•Между тѣмъ, въ лучахъ прожекторовъ, къ югу, былъ усмотрѣнъ поврежденный непріятельскій миноносецъ, стоявшій безъ движенія; къ нему хотѣли подойти на помощь другіе японскіе миноносцы, но не были допущены нашимъ огнемъ. Я приказалъ тогда ближайшему къ намъ нашему миноносцу сняться съ якоря и уничтожить непріятельскій миноносецъ. Конечно, хотѣлось бы его захватить, какъ призъ, но, не зная, въ какомъ онъ состояніи и насколько можетъ оказать сопротивление, я хотя и отдалъ командиру нашего миноносца приказаніе его уничтожить, но рассчитывалъ, что командиръ самъ сумѣетъ сдѣлать какъ лучше.

•Командиръ миноносца, лейтенантъ Дмитріевъ (*), лихо выполнилъ порученіе. Снявшись съ якоря, онъ полнымъ ходомъ подошелъ къ поврежденному непріятельскому судну. На немъ не видно было ни души, висѣлъ не спущенный кормовой флагъ и позывной сигналъ. Дмитріевъ уже подходилъ къ борту миноносца, чтобы взять его на буксиръ, но, къ несчастью, наши береговыя батареи, которыхъ нельзя было предупредить вслѣдствіе поврежденія телефоновъ, открыли огонь, принявъ его за непріятеля. Тогда Дмитріевъ рѣшилъ уничтожить японскій миноносецъ и взорвалъ его своей миной: миноносецъ тотчасъ же потонулъ. Я слышалъ взрывъ, но не могъ опредѣлить, кто взорванъ, — и до возвращенія миноносца оставался въ неизвѣстности.

•За время атаки непріятель выпустилъ до 50 минъ. Часть ихъ была найдена невзорвавшимися на берегу.

(*) Имѣлъ командиръ одного изъ линейныхъ кораблей Балтійскаго моря.

•1-го декабря, весь день, мы работали по исправленію и окончанію сѣтевого бона. Къ вечеру часть праваго борта корабля все же оставалась не защищенной. Ночью, какъ и слѣдовало ожидать, атака возобновилась. На этотъ разъ обстоятельства для насъ были крайне неблагоприятны. Шель густой снѣгъ и наши прожекторы дѣйствовали плохо, такъ какъ лучи черезъ снѣгъ не проникали. Японцы, вмѣстѣ съ тѣмъ видя свою вчерашнюю неудачу, перемѣнили тактику, атаковавъ насъ съ трехъ направлений: съ носу, съ праваго и лѣваго бортовъ.

•Пользуясь густымъ снѣгомъ, они подходили очень близко и выпускали свои мины. Намъ пришлось раздѣлать свой огонь и вслѣдствіе плохой видимости, огонь нашъ не былъ такъ мѣтокъ, какъ наканунѣ. Но и мины непріятеля не достигали вначалѣ цѣли, а рвались въ бону. Между тѣмъ, пока наше вниманіе было отвлечено этими атаками, другіе миноносцы противника, пользуясь темнымъ неосвѣщеннымъ пространствомъ въ южной части бухты, вошли въ самую бухту, атаковавъ наши миноносцы, стоявшіе въ цѣли и встрѣтившіе японцевъ сильнымъ огнемъ. Нашъ миноносецъ «Сторожевой», при этомъ, получилъ ударъ миной въ носъ и, чтобы не затонуть, долженъ былъ выкинуться на берегъ.

•Тѣмъ временемъ, одинъ изъ небольшихъ непріятельскихъ миноносцевъ, пользуясь общей схваткой, подошелъ совсемъ близко съ правой стороны броненосца и выпустилъ свои мины.

•Двѣ мины попали въ корабль. Одна ударила въ бортовую сѣть и взорвавшись повредила наружную обшивку въ подводной части, причѣмъ зашлоилось водою нѣсколько бортовыхъ отсековъ. Другая мина ударила въ незащищенную сѣтями корму и взорвавшись произвела сильное разрушеніе, затопивъ рулевое отдѣленіе и сосѣдніе отсеки. По миноносцу былъ открытъ сильный огонь, но онъ скрылся.

•Впослѣдствіи, по японскимъ донесеніямъ, мы узнали, что во время этой атаки былъ убитъ начальникъ отряда миноносцевъ.

•Броненосецъ послѣ взрыва сильно накренился и сѣлъ кормой. Чтобы не дать ему затонуть, мы передвинулись ближе

къ берегу, пока корма не съела на грунтъ. При этомъ пришлось совсѣмъ высучить цѣпь лѣваго якоря и отдать правый якорь. По осмотрѣ поврежденій, оказалось, что бортовые трещины можно задѣлать помощью деревянныхъ пластырей, а для кормовой пробойны инженеромъ Кутейниковымъ былъ предложенъ особый лекальный желѣзный пластырь, къ сооруженію котораго было немедленно приступлено.

«Вслѣдствіе трудности работъ въ порту, подъ огнемъ непріятеля, задѣлка поврежденій потребовала бы времени, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ, а то и больше. Но намъ не суждено было эти работы окончить.

«Послѣ всѣхъ сотрясеній, полученныхъ при взрывахъ минъ, корабль текъ, какъ рѣшето. А такъ какъ корма его сидѣла на мели, то съ приливомъ вода прибывала внутри судна, а съ отливомъ убывала. Кренъ броненосца, несмотря на затопленіе водой отсѣковъ неповрежденнаго лѣваго борта, доходилъ до 8°. Японцы, производившіе наблюденія за состояніемъ броненосца изъ Лунвантана, очевидно поняли, что корабль выведенъ изъ строя и, видимо, не желая жертвовать своими миноносцами, не продолжали болѣе атакъ.

«Севастополь» былъ совсѣмъ уже лишенъ возможности приносить пользу на морѣ, а потому являлось необходимымъ использовать его личный составъ и артиллерию для береговыхъ надобностей. Такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность стрѣлять перекиднымъ огнемъ изъ 12-ти дюймовыхъ пушекъ, было необходимо выровнять кренъ корабля. вмѣстѣ съ тѣмъ, начали свозить оставшуюся мелкую артиллерию для установки ея на берегу. Послѣ нѣсколькихъ дней усиленной работы, удалось, временно, задѣлать бортовые трещины и выровнять кренъ, что и дало возможность открыть перекидной огонь черезъ горы Тигроваго полуострова по занятой японцами Высокой горѣ. Эта стрѣльба была для японцевъ неожиданностью. Они считали броненосецъ слишкомъ поврежденнымъ и стоящимъ слишкомъ близко къ высокимъ горамъ Тигроваго полуострова и не могли себѣ представить, что выстрѣлы идутъ съ него. Въ отвѣтъ на эту стрѣльбу, непріятель открылъ по намъ перекидной огонь изъ 6 или 8 дюймовыхъ

пушекъ въ теченіи дня и ночи. Хотя за все время японцами было выпущено очень много снарядовъ, но, благодаря трудности корректировки, попаданій было всего десять. Изъ нихъ два въ мою каюту — единственные попаданія въ мое помѣщеніе за всю войну».

По выведеніи «Севастополя» изъ строя Николай Оттовичъ былъ назначенъ начальникомъ Ляотешанскаго отдѣла обороны, причемъ всѣ сухопутныя части и всѣ батареи, лежація въ этомъ районѣ, были подчинены ему.

Лишняя команда съ броненосца была свезена для работъ на берегъ. Помѣщеніе для команды было устроено въ большихъ кирпичныхъ заводскихъ печахъ, расположенныхъ укрыто въ складахъ мѣстности. Съ «Севастополя» и съ лодки «Отважный» свезли все лишнее и по возможности всѣ запасы провизіи.

Между тѣмъ развязка близилась...

«Положеніе дѣлъ на лѣвомъ флангѣ крѣпости было далеко не блестяще. Японцы заняли весь берегъ Голубиной бухты, кромѣ южнаго еще занятаго нами, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тѣснили нашихъ. На Ляотешанѣ войскъ было совсѣмъ мало, да и тѣ, по частямъ, переводились на правый флангъ крѣпости, куда шло усиленное наступленіе.

«На ихъ мѣсто, гарнизономъ Ляотешана, назначались судовыя команды «Севастополя» и «Отважнаго».

«2-го декабря крѣпость понесла незамѣнимую потерю, въ лицѣ героя обороны, генерала Кондратенко, поддерживавшаго своей неутомимой работой энергію защитниковъ. Положеніе крѣпости становилось отчаяннымъ.

«18 декабря, на правомъ флангѣ, непріятель занялъ всѣ главнѣйшія укрѣпленія, оттѣснивъ насъ на вторую линію обороны. Весь новый городъ обстрѣливался ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ; всѣ дороги къ фортамъ центра также обстрѣливались. Съ паденіемъ фортовъ праваго фланга та же участь ожидала и старый городъ.

«На лѣвомъ флангѣ непріятель также перешелъ въ наступленіе, оттѣснивъ роту поручика Ерофѣева, занимавшаго укрѣпленіе у Голубиной бухты.

«19 декабря, поручикъ Ерофѣевъ сообщилъ мнѣ по телефону о наступленіи непріятели. Немедленно открыли съ «Севастополя» перекидную стрѣльбу, которая корректировалась Ерофѣевымъ. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ была сбита беспокоившая его непріятельская полевая батарея и были разрушены японскіе окопы. Но вдругъ телефонное сообщеніе съ Ерофѣевымъ прекратилось. Какъ оказалось впоследствии, онъ былъ окруженъ непріятелемъ и едва успѣлъ пробиться.

«Вечеромъ, 19 декабря, совершенно неожиданно, по телефону получено было отъ Адмирала Вирена распоряженіе выполнить секретный приказъ, касающійся уничтоженія нашихъ судовъ.

«Ночь. На позиціяхъ и фортахъ воцарилась зловѣщая тишина. Лишь отъ времени до времени доносились глухіе удары. То взрывались въ гавани наши корабли, минные, артиллерійскіе склады и мастерскія порта.

«Сообщивъ о полученномъ приказаніи командирамъ «Отважнаго» и «Силача», я приказалъ тотчасъ же свозить на берегъ всѣ командныя вещи, оставшуюся провизію и всю лишнюю команду. Затѣмъ, приказалъ разводять пары, такъ какъ рѣшилъ потопить корабль на глубинѣ, чтобы онъ не достался непріятелю.

«Ночью, какъ на зло, поднялось большое волненіе, сильно затруднявшее свозъ вещей на берегъ. Тѣмъ не менѣе, передъ разсвѣтомъ работа была закончена. Полная вода приходилась около 5 часовъ утра. Корабль находился на плаву и, слѣдовательно, могъ сняться съ якоря. Сѣтевой бонь, находившійся впереди броненосца, былъ поставленъ такъ прочно, что пароходъ «Силачъ» не былъ въ состояніи его отбуксировать, чтобы очистить путь броненосцу; буксиры рвались, а бонь не двигался съ мѣста. Я рѣшилъ идти и сорвать бонь своимъ ходомъ. Стали поднимать якоря, — якорный канатъ потянулъ за собой сѣтевой бонь и шпиль сломался.

«Кажется, все сложилось противъ насъ. Бонь не разводился, шпиль сломанъ, якоря поднять нельзя, руль не дѣйствовалъ, вслѣдствіе поврежденія миной кормового отдѣленія. Однако всѣ затрудненія удалось превозмочь. Якорный канатъ

былъ отклепанъ, поданъ буксиръ на «Силачъ», данъ ходъ машинамъ, — бонь потащили за собой. На броненосцѣ оставалось лишь 40 человекъ команды. Мы отошли отъ берега къ Ляотешану на глубину 25 сажень. Были отданы буксиры, вся команда посажена на катеръ и трюмнымъ было приказано открыть кингстоны. Старшій офицеръ обошелъ всѣ палубы и помѣщенія, чтобы убѣдиться, что никого изъ команды не осталось. Затѣмъ онъ съѣхалъ на катерѣ съ трюмнымъ механикомъ и оставшейся командой.

«Я остался одинъ.

«Корабль быстро погружался и кренился. Не было никакого сомнѣнія, что онъ скоро опрокинется и потопетъ. Тогда къ борту тонущаго броненосца подошелъ пароходъ «Силачъ», я пересѣлъ на него и мы отошли отъ броненосца. Было около 8 часовъ утра. На горизонтѣ виднѣлись непріятельскіе миноносцы. Но было пасмурно и японцы врядъ ли могли видѣть, что дѣлается съ кораблемъ.

«Кренъ «Севастополя» быстро увеличивался на правый бортъ. Вотъ палуба его вошла въ воду: все на ней посыпалось. Но вотъ, корабль зачерпнулъ трубами, — и вдругъ сразу опрокинулся. Красная подводная часть его показалась на минуту на поверхности, таранъ вылѣзъ наверхъ, корма грузно опустилась, и броненосецъ исчезъ подъ водой...

«Нѣкоторое время продержалось на поверхности воды свѣтлое пятно. Всплывали разныя вещи. Наконецъ все исчезло.

«Многострадалецъ «Севастополь» пересталъ существовать.

Такова въ главныхъ чертахъ дѣятельность стараго «Севастополя» въ Артурѣ.

Чинъ капитана 1-го ранга и георгіевскій крестъ «въ воздаяніе особыхъ подвиговъ храбрости и распорядительности, проявленныхъ подъ Портъ-Артуромъ во время командованія крейсеромъ «Новикъ» и броненосцемъ «Севастополь», были заслуженной наградой славному командиру.

Въ началѣ 1905 года Николай Оттовичъ вернулся изъ Артура въ Россію, гдѣ былъ назначенъ завѣдующимъ страте-

гической частью Военно-Морского Ученаго Отдѣла Главнаго Морского Штаба и командиромъ 20-го Флотскаго Экипажа, и на послѣднемъ мѣстѣ въ печальные октябрьскіе дни при беспорядкахъ въ экипажахъ проявилъ себя рѣдкимъ начальникомъ, своимъ авторитетомъ и умѣлыми распоряженіями не допустивъ таковыя въ вѣренныхъ ему командахъ; одновременно имъ приняты были мѣры къ повсемѣстному подавленію беспорядковъ.

Въ мартѣ 1906 г. Николай Оттовичъ былъ назначенъ командиромъ новаго, строившагося въ Англии крейсера «Юриевъ», а меньше чѣмъ черезъ полгода вызванъ обратно, чтобы занять отвѣтственное мѣсто начальника отряда минныхъ крейсеровъ, построенныхъ во время войны на добровольныя пожертвованія.

Здѣсь, командуя этимъ небольшимъ отрядомъ (съ 28-го августа 1906 года по 28 ноября 1908 г.). Николай Оттовичъ нашелъ благодарное поприще для проведенія на дѣлѣ тѣхъ своихъ выводовъ, къ которымъ ему пришлось придти собственнымъ горькимъ опытомъ въ 1904 году.

Въ тепломъ памятномъ словѣ напечатанномъ въ одномъ изъ петроградскихъ изданій (*), приведена слѣдующая совершенно вѣрная оцѣнка дѣятельности этого періода жизни адмирала:

«Послѣ войны въ нашемъ флотѣ приходилось произвести коренныя реформы, и въ ожиданіи того момента, когда его ряды пополнятся новыми судами, надо было прежде всего обратить вниманіе на созданіе для будущаго флота надлежащаго личнаго состава. Такъ какъ большая часть личнаго состава нашего флота прошла прекрасную боевую школу, то въ ея средѣ можно было найти рядъ офицеровъ, которые могли сплотиться подъ руководствомъ одного лица для созданія того ядра офицерскаго состава флота, изъ котораго долженъ былъ развиться надлежащій личный составъ для будущихъ кораблей нашего флота.

«Къ тому же времени былъ законченъ постройкой рядъ миноносцевъ, строившихся во время войны на добровольныя по-

(*) Правительствоный Вѣстникъ.

жертвованія и на средства казны. Во главѣ этихъ судовъ, которыя должны были служить школой для подготовки къ бою личнаго состава нашего флота, сталъ капитанъ 1-го ранга Эссенъ и его назначеніе было встрѣчено съ большимъ удовлетвореніемъ въ морскихъ кругахъ.

«Послѣ этого прошло около восьми лѣтъ. За это время дѣятельность нашего Балтійскаго флота неразрывно связана съ именемъ Н. О. Эссена и она проходила незамѣтно для нашего общества, которое совершенно не знало, что дѣлается на нашихъ многочисленныхъ корабляхъ. За этотъ періодъ Н. О. Эссенъ изъ начальника отряда минныхъ крейсеровъ сдѣлался начальникомъ морскихъ силъ Балтійскаго моря и добился подчиненія себѣ всѣхъ портовыхъ учреждений, совершивъ этимъ самую крупную ломку въ организациі нашихъ морскихъ силъ и проведя идею, согласно которой всѣ береговья учрежденія должны были служить и существовать для флота, а не наоборотъ, какъ это было до русско-японской войны. Въ этой ломкѣ прочно установившагося у насъ взгляда на назначеніе флота состоитъ огромная заслуга покойнаго адмирала, и въ этомъ дѣлѣ онъ является прямымъ послѣдователемъ идей адмирала С. О. Макарова.

«Другая заслуга адмирала Эссена за это же время заключается въ проведеніи во флотѣ идей того же адмирала, который говорилъ, что «въ морѣ—значитъ дома» и настаивалъ на непрерывномъ плаваніи и практикѣ личнаго состава флота, въ чемъ и заключается подготовка флота къ войнѣ. Для этого Н. О. Эссену пришлось проявить большую энергію при обученіи вѣреннаго ему личнаго состава плаванію при условіяхъ военнаго времени въ Финскомъ заливѣ и Балтійскомъ морѣ во всякое время года и во всякую погоду, а въ Финляндскихъ шхерахъ—плаванію безъ помощи лоцмановъ, что казалось почти невозможнымъ въ доброе старое время. Кромѣ того, суда, бывшія подъ его начальствомъ, стали появляться въ такихъ мѣстахъ этого лабиринта Финскаго и Ботническаго заливовъ, въ которыхъ до этого времени никогда не показывался русскій флагъ. Наконецъ, несмотря на то, что такіа суда, какъ миноносцы, казались весьма нѣжными и неприспо-

собленными для зимняго плаванія кораблями, они при покойномъ адмиралѣ начали плавать и зимой, что было полнѣйшей новостью.

«Такимъ образомъ, подъ начальствомъ этого энергичнаго человѣка совершенно измѣнилась картина плаванія судовъ нашего флота. Параллельно съ воспитаніемъ личнаго состава флота шла, подъ руководствомъ Н. О. Эссена, и подготовка судовъ къ бою, и въ это дѣло онъ вложилъ всю свою душу и весь боевой опытъ своей богато одаренной природы.

«Кромѣ того, во время этой дѣятельности покойнаго адмирала особенно было замѣчательно то, что онъ личнымъ примѣромъ давалъ своимъ подчиненнымъ образецъ самой кипучей работы, и всѣ моряки знаютъ, какъ онъ не ограничивался управленіемъ своимъ флотомъ съ палубы флагманскаго крейсера, а непрерывно плавалъ на миноносцахъ и неустанно слѣдилъ за дѣятельностью отдѣльных боевыхъ единицъ своего флота. Какъ старый морякъ, онъ чувствовалъ себя превосходно въ лишенной комфорта обстановкѣ миноносца и вмѣстѣ съ рядовыми офицерами переносилъ всѣ тяготы службы на этихъ судахъ, и понятно, что такой примѣръ не могъ не дѣйствовать самымъ благоприятнымъ образомъ на его подчиненныхъ.

«Въ настоящее время очень трудно дать полную характеристику дѣятельности покойнаго адмирала и описать всѣ тѣ мѣры, которыя онъ принялъ для того, чтобы находившіеся подъ его командой флотъ оказался въ полной готовности къ предстоящимъ боевымъ испытаніямъ, что показала дѣйствительность, когда въ прошломъ году нашъ слабѣй по числу боевыхъ судовъ, но сильный опытомъ и знаніемъ своего дѣла его личнымъ составомъ, флотъ смѣло встрѣтилъ надвигавшуюся грозу войны и подъ руководствомъ своего испытаннаго и любимаго вождя съ перваго же дня военныхъ дѣйствій оказалъ неопѣнимыя заслуги родинѣ и парализовалъ дѣятельность превышавшаго его во много разъ по силѣ германскаго флота. Эта часть дѣятельности покойнаго адмирала пока совершенно неизвѣстна обществу, такъ какъ по его инициативѣ она остается до сихъ поръ покрытой непроницаемой

тайной, и только послѣ конца этой войны мы узнаемъ подробности о томъ громадномъ трудѣ, который выполнилъ покойный адмиралъ и о которомъ можно судить только по тѣмъ фактамъ, что врагу не удалось добиться на Балтійскомъ морѣ какихъ бы то ни было ощутительныхъ результатовъ, и крайній правый флангъ нашего боевого фронта оказался надежно защищеннымъ нашимъ флотомъ.

«Отсюда видно, что такая работа, которая здѣсь намѣчена только въ общихъ чертахъ, потребовала громадныхъ усилій и главное, явилась плодомъ выдающихся дарованій покойнаго адмирала, какъ организатора морской силы и человѣка, обладавшаго даромъ инициативы при выполненіи поставленной ему задачи.

«Покойнаго адмирала сравниваютъ иногда съ С. О. Макаровымъ. Дѣйствительно, въ смыслѣ военнаго дарованія, находчивости и широкой инициативы во время войны, а также въ смыслѣ обаянія на своихъ помощниковъ и подчиненныхъ оба эти адмирала похожи другъ на друга. Также они сходятся въ дѣлѣ правильной оцѣнки обстановки, въ которой надо вести усовершенствованіе ввѣренныхъ имъ боевыхъ частей флота. Наконецъ, оба они обладали громаднымъ организаторскимъ талантомъ, причемъ на долю адмирала Макарова выпалъ очень короткій срокъ проявленія этого таланта въ дѣлѣ надлежащей подготовки флота къ бою, такъ какъ эта дѣятельность продолжалась въ Портъ-Артурѣ около полутора мѣсяцевъ, и онъ погибъ на «Петропавловскѣ», не видя плодовъ своихъ грандіозныхъ усилій исправить прежнія ошибки въ организаціи морской силы. Адмиралъ Эссенъ былъ счастливецъ своего учителя и бывшаго начальника, очень цѣнившаго его способности. Ему удалось въ продолженіе почти 8-ми лѣтъ плодотворно работать надъ исправленіемъ недостатковъ нашего флота и въ продолженіе 9¹/₂ мѣсяцевъ видѣть, что его работа не пропала даромъ, и онъ сошелъ въ могилу, оставивъ въ блестящемъ состояніи ввѣренный ему флотъ, много своихъ учениковъ, готовыхъ продолжать дѣло своего любимаго начальника и учителя и, наконецъ, превосходное стратегическое положеніе, занятое, благодаря его трудамъ, нашей

морской силой на Балтійскомъ морѣ. Приблизительно на этомъ кончается сходство этихъ двухъ выдающихся адмираловъ, такъ какъ, что касается научныхъ трудовъ, которыхъ очень много числится за Макаровымъ, то у Эссена за время его службы, которую онъ провелъ на палубѣ корабля, не было времени для занятія чистой наукой, но зато на практикѣ онъ, благодаря своимъ дарованіямъ, въ совершенствѣ постигъ «науку побѣждать», и подъ влияніемъ боевого опыта изъ него выработался тотъ флотоводецъ, которому такъ много обязанъ нашъ флотъ какъ Балтійскій, такъ и Черноморскій, причѣмъ послѣдній потому, что подготовка его къ бою велась на основаніи идей, выработанныхъ на Балтійскомъ морѣ.

Текуція событія еще недостаточно освѣщены, чтобы можно было уже давать оцѣнку дѣятельности Николая Оттовича на посту Командующаго Флотомъ,—это будетъ, конечно, сдѣлано послѣ войны; сейчасъ же нельзя не указать, что превышающій во много разъ наши силы врагъ не рѣшился съ началомъ войны вступить съ нашимъ флотомъ въ открытый бой и 9 долгихъ осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ были употреблены адмираломъ Эссеномъ на ослабленіе мощнаго врага, что, судя по сообщавшимся свѣдѣніямъ, и удалось: гибель «Фридриха-Карла», «Газелле», миноносцевъ, подводныхъ лодокъ и ряда транспортовъ, пресѣкшихъ подчасъ господство нѣмцевъ въ Балтійскомъ морѣ—вотъ видимые результаты дѣятельности нашего флота, съ лихвой отомстившаго врагу за гибель «Паллады».

За боевую дѣятельность во время войны Николай Оттовичъ былъ награжденъ орденомъ Вѣлаго Орла съ мечами.

Для характеристики Николая Оттовича слѣдуетъ привести два документа: одинъ—обращеніе къ Морскому Министру въ памятные для флота іюньскіе дни 1912 года, когда въ законодательныхъ учрежденіяхъ разбирался вопросъ «быть или не быть» флоту; «необходимо убѣдить, писалъ адмиралъ, что всякое отложеніе вопроса о созданіи флота *убьетъ духъ личнаго состава и тогда не создатъ Россіи флота, какихъ бы трудовъ и денегъ на это ни жертвовали*».

Тѣ, кто присутствовалъ на памятномъ засѣданіи Государственной Думы 5 іюня 1912 года, навѣрно помнятъ съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ выслушала Дума эти простыя, но полныя государственной мудрости слова. Не привести ихъ полностью невозможно...

«Ваше Высокопревосходительство, Иванъ Константинович!» писалъ адмиралъ. «Въ виду рѣшающагося на этихъ дняхъ въ Государственной Думѣ вопроса о 5-лѣтней программѣ судостроенія, считаю долгомъ доложить Вамъ свой взглядъ на важность положительнаго рѣшенія вопроса съ точки зрѣнія боевого флота.

«Я не буду ломиться въ открытую дверь, доказывая необходимость для Балтійскаго моря линейнаго флота, единственно способнаго выполнить задачу обороны.

«Мы, люди, стоящіе близко къ дѣлу и хорошо знакомые съ боевой стоимостью того оружія, которымъ мы упражняемся и которое примѣняемъ къ обстановкѣ, безусловно всѣ одного мнѣнія, что подводныя лодки и миноносцы, крайне необходимые въ общемъ планѣ обороны, все же являются оружіемъ второстепеннымъ, хотя и весьма грознымъ, но только *при условіи опоры со стороны линейнаго флота*.

«Тоже несомнѣнно для всѣхъ насъ ясно, что флотъ въ свою очередь долженъ опираться на надежно укрѣпленную базу—портъ, лежащій въ непосредственной близости къ театру военныхъ операцій.

«Линейный флотъ, укрѣпленная база и сильная подвижная минная оборона—вотъ три фактора, безъ которыхъ немисливо думать о какой либо оборонѣ Балтійскаго побережья. Все остальное, что имѣется въ 5-лѣтней программѣ, какъ то: портовые средства, вспомогательныя суда, охрана стоянки судовъ въ военное время и т. п., вообще всѣ средства, необходимыя для обслуживанія флота, также нужны и должны появиться на свѣтъ одновременно съ флотомъ, такъ какъ безъ нихъ флотъ не можетъ существовать, учиться и готовиться къ войнѣ.

«Но помимо всего сказаннаго, утвержденіе или неутвержденіе теперь же программы будетъ знаменоватъ собой быть

или не быть вообще у насъ боевому флоту. Мозгъ военной силы есть ея личный составъ. Хорошій личный составъ образуется съ увѣренностью въ свѣтломъ будущемъ.

«Требованія, предъявляемыя современному флоту настолько тяжелы, что для ихъ выполненія отъ личнаго состава требуется полная энергія и серьезная работа. Кто же будетъ работать и двигать дѣло впередъ, если у него нѣтъ впереди увѣренности, что трудъ его не пропадетъ даромъ и не принесетъ плодовъ? Уже теперь видно, что молодежь, обезпокоенная шаткостью положенія идеи о необходимости для Россіи боеспособнаго флота, боится за будущее, и если такой флотъ не будетъ строиться, то молодежь побѣжитъ изъ морской службы.

«Теперь мы имѣемъ среди офицерской среды такой матеріалъ, который даетъ надежду на возможность довести флотъ до такой же высоты тренировки и знаній, какъ у нашихъ ближайшихъ сосѣдей. Нужно только не лишать ихъ надеждъ на лучшія времена и, конечно, матеріально обставить ихъ такъ, чтобы они могли отдаться только своему дѣлу.

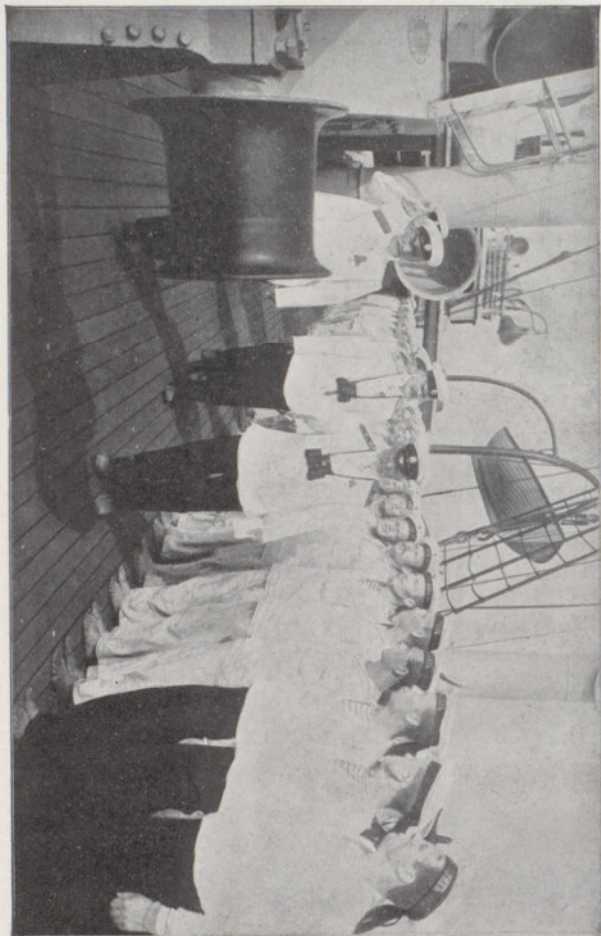
«Можетъ быть трудно не военнымъ людямъ, большинство коихъ составляетъ контингентъ и членовъ Государственной Думы, понять эту точку зрѣнія, но необходимо ихъ убѣдить, что всякое отложеніе вопроса о созданіи флота убьетъ духъ личнаго состава и тогда не создатъ Россіи флота, какихъ бы трудовъ и денегъ на это ни жертвовали».

«Прошу Ваше Высокопревосходительство принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи и преданности.

«Готовый къ услугамъ Н. фонъ-Эссенъ».

Другой документъ тоже ярко характеризующій покойнаго — обращеніе его же, уже не скромнаго капитана 1-го ранга начальника отряда минныхъ крейсеровъ, а облеченнаго въ минуту испытаній полного мощью Командующаго Флотомъ адмирала, къ тому личному составу, живой духъ котораго онъ всячески оберегалъ въ теченіе 8 лѣтъ и готовилъ къ наступившей 19-го іюля 1914 года исторической минутѣ:

Командующій флотомъ на кораблѣ.

Приказъ Командующаго Флотомъ Балтійскаго моря, 19-го іюля
1914 г., № 2.

«Волею Государя Императора сегодня объявлена война.

Поздравляю Балтійскій флотъ съ великимъ днемъ, для котораго мы живемъ, котораго мы ждали и къ которому готовились.

Офицеры и команда!

Съ этого дня каждый изъ насъ долженъ забыть всѣ свои личныя дѣла и сосредоточить всѣ свои помыслы и волю къ одной цѣли—защитить Родину отъ посягательства враговъ и вступить въ бой съ ними безъ колебаній, думая только о нанесеніи врагу самыхъ тяжелыхъ ударовъ, какіе только для насъ возможны.

Война рѣшается боемъ. Пусть каждый изъ Васъ напряжетъ всѣ свои силы духовныя и тѣлесныя, приложитъ всѣ свои знанія, опытъ и умѣніе въ день боя, чтобы наши снаряды и мины внесли бы гибель и разрушеніе въ непріятельскіе боевые строи и корабли.

Непріятель имѣетъ большую силу и опытъ—наши ошибки, наши слабыя стороны онъ немедленно используетъ, — надо стремиться, чтобы ихъ было меньше.

Помните, что единственная помощь, которая должна оказываться другъ другу въ бою, заключается въ усиленіи атаки противника, напряженіи съ цѣлью нанести сильнѣйшіе удары ему, используя для этого всѣ свои силы и боевыя средства.

Да исполнитъ каждый изъ насъ величайшій долгъ передъ Родиной—жизнью своей защититъ Ея неприкосновенность и да послѣдуетъ примѣру тѣхъ, которые двѣсти лѣтъ назадъ съ Великимъ Императоромъ своими подвигами и кровью положили въ этихъ водахъ начало нашему флоту.

Адмиралъ фонъ-Эссенъ».

Полнымъ самоотреченіемъ вѣетъ отъ высокихъ словъ:

«Съ этого дня каждый изъ насъ долженъ забыть свои личные дѣла и сосредоточить всѣ свои помыслы и волю къ одной цѣли—защитить Родину отъ посягательствъ враговъ и вступить въ бой съ ними безъ колебаній...». Въ нихъ вылилась вся военная душа доблестнаго Вождя.

И то, что адмиралъ говорилъ, онъ доказалъ на дѣлѣ—правда, онъ не погибъ въ бою, котораго такъ жаждалъ, но онъ принесъ на служеніе Родинѣ всѣ свои силы, а простудившись на одномъ изъ переходовъ, и свою драгоценную жизнь.

Не стало доблестнаго вождя-рыцаря, честнаго гражданина и человѣка.

Въ яркій солнечный день 9-го мая Петроградъ отдавалъ послѣдній долгъ адмиралу. Въ 10 часовъ утра къ пристани у Храма-Памятника войны 1904-05 г. подошелъ подъ приспущеннымъ флагомъ Командующаго любимѣйшій изъ миноносцевъ покойнаго «Пограничникъ». На немъ чаще всего держалъ свой флагъ Николай Оттовичъ, на немъ же совершилъ и свой послѣдній походъ.

Послѣ заупокойной обѣдни и отпѣванія, тѣло адмирала на лафетѣ было перевезено въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ при залпахъ салюта было предано землѣ.

Хочется отмѣтить еще одну характерную черту покойнаго—его благожелательное, мало сказать, положительно трогательное отношеніе къ подчиненнымъ: мичманъ, лейтенантъ, несмотря на всю разницу между своимъ положеніемъ съ адмираломъ, могли свободно идти къ нему, видѣть и излагать ему свои нужды—и что адмиралъ общалъ имъ, то и исполнялъ. Самъ прекрасный семьянинъ, онъ, конечно, понималъ, что отеческое отношеніе къ младшимъ нисколько не умалитъ, а наоборотъ возвыситъ его обаяніе. И можно смѣло сказать—онъ былъ любимъ подчиненными... Они вѣрили въ своего адмирала и непритворной скорбью были омрачены извѣстіемъ объ его кончинѣ...

Эссена нѣтъ...

Но пусть будутъ памяты для насъ оставшихся, его посмертныя слова (*):

«Готовлюсь вступить въ бой,—можетъ быть, послѣдній въ моей жизни. Иду со спокойной совѣстью, что сдѣлалъ все отъ меня зависящее, чтобы использовать данныя мнѣ средства. Мы выполнимъ свой долгъ до конца».

К. Житковъ.

(*) Слова изъ посмертнаго письма адмирала къ женѣ, М. М. фонъ Эссенъ. Въ рядѣ періодическихъ изданій помѣщены теплые некрологи о покойномъ: «Новое Время» №№ 14066, 14067 и 14082, «Вечернее Время» №№ 1110 и 1111, «Русскій Инвалидъ» № 102 «Правительственный Вѣстникъ» № 102, «Новое Звено» № 9 и др.

4208

В. В. В. В.

Л. П. П.

С. С.

Т. Т.

Владимиръ Н. В. фонъ Эссенъ.

Печатано по распоряженію Морского Генеральнаго Штаба.

В. В. В. В.

Владимиръ Н. В. фонъ Эссенъ.

